

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-2

Братина Б. Р.¹,
Братина В.²

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ Я: EGO COGITO À LA SERBE¹

¹) Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице, Филипа Вишњича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия; *bokibor@yahoo.com*

²) Белградский университет, Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия; *ubuntera@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено историко-философское и историко-культурное исследование творчества мало известного современному академическому сообществу сербского мыслителя Владимира Дворниковича (1888–1956). Основное внимание уделено его наиболее значительной и оригинальной философской работе «Характерология южных славян», в которой автор провозглашает необходимость отхода от кантовско-гегелевской традиции и выдвигает на место «чистого Я» как субъекта мироустройства и миропонимания – Я конкретного индивида, в единстве его национальных и социальных характеристик, формирующихся в историческом опыте и передающихся по наследству. Излагаются основные положения анализа В. Дворниковичем сербского национального характера в широком историческом и культурном контексте, в динамике становления и разрушения его отдельных черт. Делается вывод о правоте Дворниковича в указании на главную тенденцию «кристаллизации формы гипертрофированного Я», которое стало доминирующей моделью во взаимоотношениях внутри сербского общества и в отношении сербского общества с другими. Показано, как проявления инерции этой тенденции в настоящее время препятствуют формированию адекватного современного сербского национального самосознания.

Ключевые слова: национальный характер; южнославянская психика; характерология; гипертрофированное Я.

Bratina B. R.¹, Bratina V.²

HYPERTROPHIED EGO: EGO COGITO À LA SERBE

¹) University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia; *bokibor@yahoo.com*

²) University of Belgrade, 1 Studentski trg, Belgrade, 11000, Serbia; *ubuntera@mail.ru*

Abstract. The article presents a historical, philosophical, and cultural research into

¹ Окончание. Начало статьи см.: Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». Т. 2. № 1, 2016. С. 20-29 и «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования». Т. 2. № 4, 2016. С. 4-13.

the creative work of Vladimir Dvorniković (1888-1956), a Serbian thinker, who is not generally known in the modern academic world. The research focuses on his most prominent and creatively different philosophical work «The Characterology of the Southern Slavs». In this work, the author declares a necessity to withdraw from the tradition of Kant and Hegel and proposes to replace «the pure ego» as a subject of the world order and world perception with the ego of a concrete individual in the unity of his/her national and social characteristics, developing through historical experience and passing from one generation to another. The author discusses the main aspects of Dvorniković's analysis of the Serbian national character in a broad historical and cultural context, in the dynamics of development and obliteration of some of its traits. The author concludes that Dvorniković was right when pointing at the main trend of «crystallizing the form of the hypertrophied ego», which had become a dominant model of interaction of the Serbian society with others. The article demonstrates how this trend, as a result of inertia, currently challenges the development of contemporary Serbian national identity.

Key words: national character; South Slavic psyche; characterology; hypertrophied ego.

Гипертрофированное Я

Рассмотрение психологического типа «всезнайки» в контексте нации, в которой «каждый всё знает и всё может», предваряет в нашей работе переход к проблеме сербского *ego*. Тут необходимо более подробно остановиться на еще одной особенно ярко выраженной индивидуалистической черте сербского характера, которую мы уже неоднократно упоминали в нашей работе, и которая, особенно в историческом плане, нашла свое отражение в процессе распада общины (так называемой задруги). Каждый из тех, кто еще вчера был ее членом, после распада сразу захотел построить себе отдельное жилище на собственной земле (особине). Сама эта «особина» находит свое воплощение в преувеличенной и часто бессмысленной воинственности и в духе конкуренции среди сербов, в то же время давая начало минимизации способности к сотрудничеству в противовес развитию исключительной конфликтности сербского национального характера. Эту «особину» как характерную черту, или, лучше сказать, ее ядро, мы, следуя Дворниковичу, назовем «гипертрофированным Я», что в дословном переводе означает «перекормленное» (*трофí* = пища),

чрезмерно увеличенное *ego*. Именно это знаменитое сербское «я, да я», всегда суетное, практически солипсическое, никогда не готово признавать право другого, рассматривать его наравне с собой. Сам Дворникович, говоря скорее о склонности к гипертрофии личного Я, чем о его ясном выражении, употребляет словосочетание «гипертрофированное Я» (Дворникович 1939, с. 804)¹. Однако мы считаем, что процессы, которые обусловили формирование данной реактивной склонности, не только до сих пор активны, но и оказали решающее влияние на формирование структуры сербской психологии; поэтому сегодня правильнее говорить о гипертрофированном сербском *ego*, чем о его

¹ Также он говорит не только о «гипертрофированно героической позе», но и о «слишком увеличенном», «искаженном и постоянном Я», то есть об эгоцентричной чрезмерной чувствительности в сербском, южнославянском характере. Однако более ранние тексты Дворниковича, представленные в книге «Борьба идей», в которых рассматривается проблема гражданского лицемерия и формирования гражданского общества в современный ему период, свидетельствуют о том, что автор осознавал, что эта склонность в условиях гражданского общества становится всё более преобладающей (Дворникович, 1939, с. 330, 800; Дворникович, 1937, с. 133–149, 157–183).

склонности к гипертрофии. Тем не менее, если рассмотреть то, как проявляется этический характер серба (как сделал это Дворникович), и если мы берем в рассмотрение современные обычаи, мы можем сделать вывод, что все негативные сербские особенности проистекают из одного источника, который больше не является нормой или предписанием, но уже актуальным гипертрофированным Я. Прежде всего, гипертрофия героизма как источника воспоминаний о славных днях сербской истории, затем эгоцентричность как типичный рефлекс долгого порабощения, и, наконец, реальное отчуждение неолиберального капиталистического общества – «наслоились» одно на другое, создавая типичную реактивную форму сербского национального характера: гипертрофированное Я. Следуя тезисам и отправным точкам Дворниковича, мы пойдем несколько дальше и, включив в исследование и нашу современность, объединим результаты его исследований в резком тезисе, в котором гипертрофию *ego* мы рассматриваем не только как диспозицию (правило поведения), но как настоящий результат филогенетических и онтогенетических процессов в формировании сербского характера.

Однако, чтобы понять явление гипертрофированного Я, для начала необходимо понять исторические причины и условия его формирования. Дворникович ясно определяет две главные причины гипертрофии некогда героического характера: долгое порабощение и патриархальную мораль. В действительности, в конечном счете речь идет о единственной причине: долгом порабощении. И хотя патриархальная мораль и сегодня глубоко укоренена в нашем народе (надо признать, в девиантном состоянии), и хотя она остается определяющей для сербской психологии, она больше не обладает своим *raison d'être*², исходя из того, что ее

главной ценностью был дух единства, который заключала в себе общинная организация задруги, а не *a priori* андрократия. По правде говоря, уже сама христианская религия обеспечила владычество мужчин, как и преимущественно феодальное (деспотическое) наследие. При этом и сама патриархальная мораль представляет собой реактивную (хотя при этом не обязательно негативную) мораль, которая развилась как метод приспособления и выживания в условиях постоянной и долговременной угрозы со стороны неприятелей. В условиях такого «чрезвычайного положения» произошел временный отход от усвоенных отношений равноправия и демократического способа принятия решений (традиционная славянская соборность, соборность как национальная добродетель), а главную заботу о сообществе, ответственность за него и авторитет взяли на себя те, кто имел больше всего сил, чтобы ее защитить – мужчины; то есть на уровне семьи (общины или задруги) – отец. Преобладание мужчин берет начало именно из исторического периода порабощения, как и из периода, когда Сербия была вассалом Византии: от типовых черт тех обществ, которые господствовали над сербами или которые оказывали на них влияние. Так, например, если мы говорим об общине (задруге), глава дома являлся членом сельского вече, на котором выбирался сельский староста (кмет). Кмет, говоря современным языком, – это человек, ответственный за взаимодействие с турками, который признан турками и уполномочен главами домов принимать решения (по договоренности с главами домов) по поводу подати туркам. Он принимает на себя давление турок и передает их требования главам домов, а они своим сыновьям и женам. То же самое можно сказать и когда речь идет о влиянии Византии: эгалитарные славяне при контакте с Византийским царством и под его воздействием основали княжества

² Фр. «смысл существования». – Прим. ред.

и королевства вместо прежних равноправных сообществ. Напомним, что военная аристократия у древних славян играла только ситуативную роль, и лишь тогда, когда сообщество находилось в опасности.

Таким образом, патриархальная мораль сербов уже в самом начале являлась защитной моралью. Как отмечает Дворникович, все идеалы среды, в которой возникла эта мораль, должны были стремиться к единственной главной цели: неустрашимой храбрости и долговременному сопротивлению (Дворникович 1937, с. 55]. В ней преобладало и безусловное уважение старших, общность (член сообщества мог выжить только в сообществе, верить только «своим» и полагаться только на «своих» и «свое»), героический и боевой дух и честь (совесть), правдолюбие и свободолюбие, готовность к полному самопожертвованию – как за общину, так и за высшую цель (примером тут может быть знаменитый Косовский завет). Развивается ярко выраженная мораль борьбы, в которой высшей добродетелью являются верность и солидарность, а также отважное постоянство. Дворникович отмечает, что каждый индивид должен был быть и воином, и верным товарищем, чтобы представлять собой «ценную морально-боевую единицу» общества; речь шла, как говорит Дворникович, о «морали в военном таборе, в который превращались большие семьи» (Дворникович 1939, с. 796-797). Но патриархальная мораль «задруги», в отличие от гражданской морали, не была ханжеской. В ней преобладали различные свободы, некоторые из которых (в частности, сексуальная раскрепощенность) сегодня рассматриваются как заимствованные извне.

«Задруга» является интеграционной формой, характерной для сербского общества. Сама по себе она не является прирожденной: всегда, когда сербы были свободны, они жили автономными

семьями. Поэтому патриархальная мораль, которая возникла как способ адаптации и реакции на изменившиеся условия, некоторыми своими чертами может обуславливать и негативный эффект. В остальном, об этом говорит и Дворникович: «...добродетели патриархального мира не могут быть так просто перенесены в постпатриархальную общественную систему... В тот момент, когда они находят свое проявление в ином, более сложном и высокоорганизованном общественном устройстве, они теряют всю свою относительность и часто превращаются в тяжелые недостатки, серьезные социальные и моральные угрозы». Например, чрезмерная опора на «своих», «свое» становится варварством и примитивизмом с социальной, этической и государственной точки зрения, а в демократическом обществе ведет себя как растущая опухоль. Это является непосредственной предпосылкой коррупции, известной уже во времена Дворниковича (социальные типажи карьериста и «паука»). Так же и некоторые другие характерные черты патриархальной морали, которые в свое время имели оправдание, такие как ненависть к неприятелю, злопамятство и мстительность, сегодня имеют исключительно негативное содержание. В частности, это можно увидеть на примере института кровной мести, который еще существует в отсталых краях и общинах страны. Тот, кто принужден к преступной «дани кровью», не может этого не помнить и не желать справедливости. У того, кто жил в подчинении господину, единственным, что у него не могли забрать, была его душа; тот, кто постоянно был под вражеским игмом, мог доверять только своим соплеменникам, и больше всего самым близким. Можно сказать, что в ходе порабощения, как этический идеал, сформировалась стоическая мораль. Однако особенности, которые развились на ее основе, в условиях мирного времени показали себя как контрпродуктивные.

Предпосылки будущего лицемерия гипертрофированного сербского ego возникают с переходом к гражданскому обществу, именно из некогда терпеливой стоической морали.

Некогда героическое, храброе и отважное, бескомпромиссное и пропитанное духом борьбы, чувствительное к обиде и готовое на жертву во имя совести, сербское ego в современном обществе от всего своего живительного самосознания сохранило (в основном) только эгоцентричную чувствительность и в этом смысле боевую позицию. Это отмечает и Дворникович: по его мнению, не только сербы, но и все так называемые «югославы» каждое предложение начинают с «я», и почти невозможно вести с ними беспристрастный, объективный разговор на любую тему. Всегда важно, что Я думаю о том и том, как Я это вижу, что Я сделал бы лучше, но только тогда, когда он сам не ответственен за данный предмет (Дворникович 1939, с. 800). Преувеличенное Я, которое о себе думает, что всё знает и может, одновременно и столь слабо, что всегда верит, что оно «под прицелом». Оно большей частью в состоянии обороны, ощетинено и оскалено, начеку и готово защищать целостность своей личности, в то время как другого человека рассматривает как «неприятеля» и всегда готово на него напасть для защиты личного «интегритета» (целостности). В отношении этой черты Дворникович говорит, что она представляет собой рефлекс былой недоверчивости к владетельному завоевателю, как и рефлекс патриархальной бдительности на страже чести и совести, но в некоем новом и чрезмерно акцентированном виде. Эта форма больше не имеет никакого отношения к защите достоинства. В этом Я от старинной славы его предков, которую оно без всякого на то право присваивает себе, осталось лишь то, что оно всегда отчаянно жаждет признания. Современное сербское ego не имеет

ничего, что можно было бы сопоставить с героическими усилиями Сербской революции, Первой и Второй мировой войны, кроме, разве что, ничтожества собственного существования. (Хотя это, строго говоря, не совсем верно: гражданское сопротивление в ходе бомбежек в 1999 году являлось героической борьбой за свободу. То, что сегодня многие не воспринимают это так – уже другой вопрос, который мы не станем рассматривать в рамках данной работы). Гипертрофия ego, в действительности, представляет собой «спасительное бегство» от атрофии или, еще хуже, от осознания таковой. Современный сербский субъект все больше приближается к образу западноевропейского или американского гражданина, который отличается бессмысленностью и нарциссизмом (см.: Леш 1986; Джейкоб 1981). Такую субъективность Бодрийяр верно описал при помощи встроеного желания мощи: в современном ego преобладает общая немощь, которая стремится к субъективации посредством безграничного стремления к безграничной мощи, чьим единственным выражением является пустое «хочу и могу». Тотальная мощь, как *Steingernde Potenz*³, является главным фантомом современного западного человека, безвестно существующего в обществе контроля (Bodrijar^{1991, 1994}).

Такое общество, к сожалению, сегодня является реальностью и в Сербии. Видимость демократического способа принятия решений, ложь о росте уровня жизни и выходе из кризиса, тогда как очевидно, что западный мир так же находится в яме, крылатое квазивыражение об «открытом обществе» и прозрачности, когда на самом деле прозрачным является только сам гражданин, в то время как система и ее процедуры остаются для граждан закрытыми, а сама демократия скатилась к легальному применению силы и т. д. – всё это представляет собой

³ Нем. «смердящая мощь». – Прим. ред.

условия, в которых гипертрофированное Я становится всё более выражено и унижено. Бессилие сербов столь велико, что часто они не в состоянии разглядеть собственные сильные стороны, хотя они у них есть. Таким образом, сербские честные мужи остаются совершенно неизвестными, кроме как в случае, когда они захватывают власть, как это сделали представители династии Неманичей, или как некоторые другие в более современной истории. Бессилие, которое имеет исторические причины, уже не может не проявиться как доминантное чувство после стольких веков страданий; в других ситуациях оно выглядит как разъяренное, бешеное стремление (или по крайней мере попытка) защитить это исторически измученное и некогда бывшее эпической величиной, а сейчас «сдувшееся» – гипертрофированное Я.

Рассмотрим еще некоторые особенности гипертрофированного *ego*, которые принимают форму специфического *Weltanschauung*, как тень нависающие над каждым сербским решением и предприятием (акцией). Мы, следуя Дворниковичу, считаем, что национальный характер формирует сознание человека, то есть специфический взгляд на мир отдельного народа. Это так же верно, как и слова о том, что взгляд на мир формирует мыслительные привычки; в случае гипертрофированного Я они становятся мыслительными усилиями. Затем, они обуславливают специфическое поведение, которое проявляется в типичной сербской слабой предрасположенности к сотрудничеству, в склонности к конфликту, себялюбию, иногда гигантомании, в чрезмерном реагировании и т. д. Такая чувствительность скрывает в своем ядре чувство неполноценности. Этот, по своей сути, Адлеровский «мотив» отмечает и Дворникович, однако он не принимает его за *a priori*, а находит его реальные исторические причины.

Рассмотрим одну особенно показа-

тельную черту сербского характера – завистливую и злобную ревнивость, о которой Дворникович говорит, что она развилась до несносной, нетерпеливой и выпяченной суетной агональности (Дворникович 1939, с. 801). В экстремальных, хоть и не редких случаях, по словам Дворниковича, она перерастает в ненависть, низость и даже предательство, о чем свидетельствует не только сербская история, но и эпическая поэзия. В ходе истории, вследствие сложной ситуации на Балканах, предательство вошло в балканский характер как таковой. Проблема предательства настолько показательна, что о ней говорит и Косовский завет, который ключевым образом определяет сербскую идентичность как европейскую идентичность. Собственно значение Косовского завета для сербского национального самосознания Дворникович описал в эссе «Сербская история и "вечная жизнь"» (Дворникович 1937, с. 77–83). Именно здесь выдвигается тезис о том, что Косовский бой был не только битвой за Сербию, но и за Европу. Таким образом, в отличие от некоторых квазиэкспертов, которые данный завет низводят до уровня мифа (мании) и видят в нем корень «сербского антиевропейского шовинизма» (естественно, «геноцидного»), Дворникович утверждает, что именно посредством Косовского завета (и благодаря ему) сербский народ выступает и идентифицирует себя как европейский народ *par excellence*. К этому же выводу можно прийти и независимо от Дворниковича, так как тот, кто борется за «святой крест» и «золотую свободу», борется за центральную европейскую идею – за свободу как самоотречение. Также нет необходимости напоминать, что именно предательство является центральным мотивом «Горного венца»⁴. В конечном итоге, и распад

⁴ «Горный венец» – серб. «Горски вијенац» – поэтический шедевр Петра II Петровича Негоша (1813-1851), выдающегося государственного и церковно-

Югославии, если говорить о внутреннем факторе, можно интерпретировать как предательство идеи югославянства, идеи «братства и единства», со стороны хорватов и словенцев (а также и так называемых мусульман, македонцев и черногорцев). Возможно, одним из самых поразительных фактов является то, что те, кто называл себя «кусташами»⁵ и совершил самые жуткие преступления против сербского народа, по происхождению в основном являлись сербами.

По Дворниковичу, серб предает из-за обиды и/или духа противоречия (как например, Марко Кралевич⁶, который «из чувства противоречия принял сторону турок»). Он также добавляет, что предательство представляло собой «политический стиль деморализованных сербских феодалов» (как, например, Вук Бранкович⁷) (Дворникович 1939, с. 803). С этой же точки зрения мы можем рассматривать и предателей 2012 года: многие из них не обогатились, хотя действовали в интересах сербских неприятелей или работали на них. Только некоторые из них добились высокого положения, влияния и большого капитала. Другие же – те, кто в этом не преуспел, в действительности к этому и не стремились. Они любой ценой хотели только, чтобы их Я видели и слышали, чтобы их кто-то о чем-то спрашивал, и чтобы это Я, на фоне его общего

упрощения по модели «новой Европы», недостаточной образованности и профессионализма, все-таки могло чему-то явно давать оценку и его считали бы «значительным». Именно в этом смысле Дворникович, хотя и говорит о своем времени и о прошлом, выводит определение, имеющее неопределимое значение для нас и сегодня. По его мнению, предательство по своему значению определяется как «эксперимент изоляции»: «реакцией на сообщество, выходом из него и еще большей борьбой против него югослав отдает дань своей глубинной природе: склонности к гипертрофии личного Я... Поэтому многие югославы, если не формально, то в душе «предатели» и коварные враги своей среды. *Есть ли где-то столько обиженных и огорченных людей, как среди сербов?* Тут одно дополняется другим; результат ясно виден в нашем обществе» (Дворникович 1939, с. 804, курсив Дворниковича). Личная обида и неудовлетворенность, разочарование, как настоящее, так и мнимое ущемление достоинства являются главными мотивами предательства у сербов. Серб, как отмечает Дворникович, «в большинстве своем и практически по определению неудовлетворенный человек», в нем доминируют негативные и меланхоличные чувства, которые заставляют всё, что в нем есть позитивного (а этого в нем всё еще достаточно много), слишком легко пренебрегать, забывать и – предавать. Неслучайно перечень того, что схоже с сербским эпическим, героическим характером, открывает именно предательство. Дворникович добавляет, что диапазон чувств у сербов исключительно широк, и что их ритмика стремится к крайностям: от эйфорической радости до неизмеримой тоски, душевных страданий; от крайнего самопожертвования до откровенного пренебрежения к окружающим; от полной закрытости и недоверия к людям из своего окружения до чрезмерного, нередко подхалимского, гостеприимства по

го деятеля Черногории. Произведение насыщено философско-историческими идеями (впервые опубликовано в 1847 г.). – Прим. ред.

⁵ Хорв. – «повстанцы», «восставшие». – Прим. ред.

⁶ Историческое лицо, сын македонского правителя (кряля), участвовавший в Косовской битве на стороне турок, но в образах сербской и болгарской народной поэзии выступающий борцом против турецкого деспотизма и всякой несправедливости. – Прим. ред.

⁷ Сербский правитель XIV века, имеющий спорную историческую репутацию. См., например: Миладин Стеванович. Вук Бранкович: герой или предатель? // Српска.ру. 25.04.2010. URL: <http://srpska.ru/article.php?nid=14054>

отношению к иностранцам; в конечном итоге, от героической готовности погибнуть за честь и свободу до предательства. В «Психологии южнославянской меланхолии» Дворникович приходит к такому же заключению, как позже и в «Характерологии»: в своей глубокой основе меланхолия, присутствующая в национальной музыке, и злопамятство в сербском этносе имеют одинаковые корни: «тоска, жалоба, так же как и болезненная обида, терзаются одним общим нервом» (Дворникович 1939, с. 823)⁸.

Рассмотрим еще несколько характерных особенностей, проистекающих из гипертрофии *ego* и особенно распространенных в сербских интеллектуальных кругах. О ленивой «гениальности» уже было сказано, как и о так называемом всезнайстве. Упомянутые черты, возможно, являются самыми серьезными симптомами гипертрофии. Отсюда и такая склонность к критике у сербов. Она не проистекает, как того следовало бы ожидать, из взращивания саморефлексивной культуры. Напротив, ее главный источник – это гипертрофированное Я, которое уже по самой своей природе противопоставляется акту саморефлексии и формированию и взращиванию культуры, основанной на этом акте. По Дворниковичу, югослав является прирожденным «критиком». Он также замечает, что праздность, зависть и злоба являются самыми частыми мотивами для наших людей критиковать чужую работу («чем медленнее человек работает, тем

быстрее он критикует и выносит вердикты»). В связи с осознанием данных условий Дворниковичу было ясно, как это может быть ясно и нам сегодня, что большую часть критиков составляют не настоящие и основательные исследователи данных проблем, а зачастую только бесталанные, малопродуктивные, анонимные ворчуны, в большой степени интеллектуально-бесплодные, которых (в соответствии с их суждениями) непривычное игнорирование действительности принуждает высказываться против кого-то. Дворникович открывает нам сущностную цель данной критики: «Кто вообще такой тот, кто так дерзко нападает со своей критикой на всех и каждого?» – в тот момент, когда задается такой вопрос, наш критик достигает свою цель: его имя ‘на слуху’» (Дворникович 1939, с. 660). Это та уродливая особенность, которую мы можем заметить и у некоторой части наших современных «интеллектуалов», которые создают себе «имя», втапывая в грязь труды других посредством своего псевдопрофессионализма и аргументации, на самом деле всегда поддержанной тем или другим мнением, но никогда самим собой и собственным мнением. Ясно, насколько это далеко от сартровского определения интеллектуала как профессионала, который ставит под сомнение границы собственной компетентности и трансцендирует их. Поистине невероятно, как мало тяжелый исторический опыт может значить для понимания собственного поведения, даже у так называемых интеллектуалов. Принимая во внимание данное сартровское определение, в период после Второй мировой войны и до наших дней мы можем по пальцам пересчитать интеллектуалов такого порядка. Большинство их – просто обижены и потому не заинтересованы в чем-либо, кроме своего материального благополучия.

В гипертрофированном Я необходимо искать и причину очень низкой способности к сотрудничеству

⁸ В особенности не прощается и не забывается обида – большая редкость те сербы, которые действительно прощают. Дворникович при этом отмечает, что такое злопамятство представляет собой «всего лишь один выраженный в моральной сфере элемент общей психофизической диспозиции интенсивных чувств, "негативное впечатление" в жизни». (Там же.) Другими словами, речь идет об еще одном способе выражения того самого гипертрофированного Я, которое обуславливает сербский взгляд на мир и понимание мироздания.

среди сербов. Современный серб, как и серб времен Дворниковича, не склонен к сотрудничеству. Он остается «гениальным индивидом», который на дух не переносит своего окружения и прикрывает пустоту собственного «величия». В целом, способность к сотрудничеству находится в прямой связи с социальной близостью, поэтому ее отсутствие является только следствием того самого процесса разобщения задруги, о котором мы писали. Гипертрофия Я приводит к отсутствию сотрудничества, что в свою очередь ведет к разрушению механизмов общественного посредничества, даже до степени солипсизма. Часто в этом случае говорят, что некто ведет себя так, «как будто он единственный человек в мире». В этом «как будто» заключается всё лицемерие некогда героического характера. Тем не менее, он является солипсистом в чистом виде, для него другой человек имеет значение только за счет «угрозы», которую он потенциально представляет для его Я; таким образом, другие признаются существенными только из-за собственной трусости или страха за собственную «значимость». Любой возможный партнер воспринимается в основном как неприятель или потенциальный предатель. Гипертрофированное Я сотрудничает только с теми, кто выше его на иерархической лестнице. Тут он будет унижен, неполноценен и «замкнут в себе», в то время как с равноправными будет вести себя дерзко, будет чувствовать собственное превосходство и будет навязывать свое знаменитое «я, да я...». Дворникович в качестве примера, хорошо иллюстрирующего то, как медленно и тяжело идет сотрудничество в среде сербских интеллектуалов, приводит факт, которым, как тенденциозным, воспользуемся и мы. Речь идет о том, что «Сербская королевская академия – как сообщает нам А. Белич⁹ – с 1894 года разрабатывает

большой Сербский словарь литературного и разговорного языка, однако изданный в 1913 году “Обзор” не был успешен ни с точки зрения обработки, ни с точки зрения систематизации материала, ни с точки зрения других лексических особенностей» (Дворникович 1939, с. 663). Добавим к этому, что, вероятно, по этой причине А. Белич начал в 1959 году новый проект, который должен был бы объединить все предшествующие словари, включая и спорный вышеупомянутый. Но и до сегодняшнего дня «новый» словарь (теперь в издании Сербской академии науки и искусства) завершен лишь наполовину¹⁰. Невозможно согласиться, что единственной причиной столь медленной работы было только богатство сербского языка.

В целом, сотрудничество представляет собой «больное место» сербского существования. Не только наши ученые и специалисты, но и бизнес-проекты дают в основном бедные результаты, так как партнеры руководствуются принципом «я, мне, моё», который древние греки описывали как способ мышления *idiotēs*. Ярко выраженная манерность неудовлетворенности, которую выделяет Дворникович, имеет историческую обусловленность, а как ее негативное следствие, развился и материалистический и эгоцентричный взгляд на мир. Многие партнеры принимают участие в работе только ради личной материальной выгоды. То, что это именно так, можно определить и по тому, как на всё смотрят те, кто находятся вне рабочего и производственного процесса, а именно безработные. Часто в их среде, помимо праведного гнева и социально оправданной неудовлетворенности, можно наблюдать не

– сербский лингвист, председатель Сербской академии наук и искусств, член корреспондент Петербургской академии наук.

¹⁰ Милосавльевич М. Уникальное народное сокровище // *Глас јавности*, 29 ноябрь 2007 г., URL: <http://www.glas-javnosti.rs/clanak/glas-javnosti-29-11-2007/jedinstveno-narodno-bлаго>

⁹ Александр Белич (серб. Белић, Belić) (1976–1960)

амбициозное желание поменять общественный порядок, но лишь амбицию занять места тех, кто наслаждаются преференциями такого порядка, как ни было бы это плохо для других. Поэтому в Сербии сегодня нет широкого и явно выраженного народного протеста и революционных движений. Данная точка зрения является результатом квазисоциализма, через который прошли сербы, но который мы еще не отрефлексируем достаточным образом.

Однако гипертрофированное сербское Я как симптом больше всего находит выражение в этическом характере. Мы уже упоминали, что из патриархальной морали старославянских времен у сербов развилось сильное чувство справедливости. Однако Дворникович отмечает, что в повседневной жизни и в моментах, которые касаются его лично, серб громогласен в поисках правды только тогда, когда он – тот, в отношении кого имеет место несправедливость; когда же речь идет о ком-то другом, «голос справедливости в его душе значительно утихает, а часто и совсем замолкает» (Дворникович 1939, с. 815). Значит ли это, что сербы лицемерны? Да, поскольку очень часто они не готовы отстаивать правду других и вполноту так же сильно, как собственную. (Честно говоря, и более мудрые народы, например, евреи, не достигли подобной мудрости, так как не смогли поднять свою национальную жертву на универсальный уровень). Когда кто-то другой терпит неправду, серб нередко выругается и бессильно пожмет плечами, но зато будет «рвать землю», если в отношении него имеет место (или он решит, что имеет место) даже минимальная несправедливость. Такой дисбаланс имеет под собой не только лишь суетные причины. Дворникович пронизательно отмечает, что серб – это «тип человека слишком, который <...> занят самим собой. Кто сам много мучается и страдает, становится глух к другим – менее чувствителен и к своему, и

к чужому несчастью» (Дворникович 1939, с. 768, курсив Дворниковича). Тяжелые исторические условия жизни (а не особенности динарских территорий и географических условий) способствовали тому, что сербы стали зачастую нечувствительны ко всему, кроме вопроса собственного биологического выживания. Отсюда и выраженная асимметрия в сербском этическом существе: *у него большие требования к другим, но ни одного к себе*. Этика, к которой призывают, и этика, которой следуют в южнославянской среде, как отмечает Дворникович, в значительной мере расходится (Дворникович 1939, с. 814). Когда другие крадут, используют социальные связи, чтобы продвинуться, и тому подобное, серб это страстно осуждает, а когда сам делает то же самое, оправдывается тем, что «и другие бы делали то же самое, если бы у них была возможность»; когда он сам намеревается делать что-то подобное, то считает, что проявляет находчивость и мудрость.

Вековая борьба за простое выживание привела к тому, что гипертрофированное сербское Я строго придерживается герцеговинской народной мудрости: «у богатого хозяина и коровы мудрые». Дворникович в этой связи подробно описывает алчность и жадность югослава, его лживую набожность и склонность к благопристойности и моде (как в пьесе «Госпожа министерша»¹¹), как и преувеличенное презрение к бедности и людям из села, которые лишь свидетельствуют о комплексе и стыде того, что они сами происходят из этой среды. Относительно недавние события, когда один из сербских политиков потратил на бутылку вина пять тысяч евро, является типичным примером такого комплекса. В несколько иной форме эта же рефлексия

¹¹ Пьеса Бранислава Нушича (1864-1938), сатирическая комедия нравов (1929), многократно поставленная, в том числе, в советских театрах; большой успех имела также югославская экранизация 1958 г.

видна и у некоторой части нас самих, где абсолютно возобладала мода следовать новейшей доминантной идеологии в том, что касается формирования фундамента индивидуальной философии. Само по себе это не было бы примечательно, если бы такое поведение постепенно не охватило всех носителей сербской идеи, принимая во внимание то влияние, которое такие «спартанцы» имеют в сербской столице.

Особенно заметна следующая особенность гипертрофированного сербского Я: когда ему кто-то укажет на его предосудительные поступки, многие скорее еще более интенсивно продолжают делать то, что ему поставили на вид, чем прекратят вести себя таким образом; даже тогда, когда дело касается нормальных межчеловеческих (взаимо-) отношений. Дворникович отмечает, что акцентированное, воинственное и чувствительное в отношении себя (а не другого) гипертрофированное Я по своему характеру не склонно к совестливости, чувству морального долга или ответственности, а особенно, раскаянию. Как раз наоборот, по его мнению, это – наименее развитые стороны нашего этического поведения, что одновременно является причиной настолько развитого чувства противоречия, зависти, злопамятства и мести. Нужно сказать, что послевоенная история только способствовала развитию тех качеств, на которые указывает Дворникович, и поколение победителей Второй мировой войны ни в чем не изменило этой черте характера. Более того, оно развило ее и сформировало поколение неблагодарных детей, которое даже не смогло оценить кровь, пролитую солдатами, и жертву павших за свободу – эту центральную идею европейской культуры. Гипертрофия *ego* исторически сделала своей «последней линией обороны» чувство противоречия и неповиновения. И это особенность раба – раб всегда делает то, что не положено, из чувства противоречия, так как не может быть доволен своим положением.

Отметим, что гипертрофированное Я, как правило, появляется там, где имеет место ситуация порабощения. В этом мы четко можем видеть различия между европейскими народами, которые были порабощены и которые порабощены не были. Более того, уже там, где народы были несвободны, но не завоеваны другими народами, большую часть национального самосознания формирует принадлежность к определенному народу или культуре. Такие примеры могут быть найдены в завоеванной Западной Европе или в России, которая в начале нового века была эмансипирована от всякого рабства. Тут мы сразу видим, что индивиды более склонны к взаимному сотрудничеству и легче принимают тот факт, что они не правы в чем-то. Однако когда речь идет о сербе, перефразируя Дворниковича, можно сказать, что *не так страшна сербу смерть на поле боя, как собственная неправота*. Хотя серб погибнет за правду и пожертвует собой ради свободы, универсализация не является его сильной стороной. «Не 'быть правым', признать, что кто-то другой прав, для южного славянина из любого места и любого происхождения – боль и стыд, которые его не просто пекут, а действительно жгут... Для южного славянина нет большего страдания, чем то, когда его отрицают люди и обходят стороной события... Он это воспринимает как личную обиду, как некое унижение своего Я. И тут неважно, идет ли речь о какой-то индифферентной или даже хорошей и полезной вещи, которой он бы и сам мог обрадоваться» (Дворникович 1939, с. 815-816, курсив Дворниковича). Это свидетельствует о существовании некоего избытка, совсем не нужного для достойного функционирования индивида. Сам факт существования такого излишка у недоказанного динарского *ego* свидетельствует о предшествующих долговременных унижающих достоинство условиях: рабство в турецкий период, вассальные отношения с Византией и частичное подчинение Западу и аварам. Здесь

необходимо искать и причины так называемой «славянской испорченности», как характеризовали германцы стремление быть начеку по отношению к неприятелю и обманывать его всеми возможными способами. Так серб, вне зависимости от того, к какому общественному слою он принадлежит, и сегодня умеет быть лицемерным и притворным. Недоверие, как отмечает Дворникович, до сих пор является одной из характерных особенностей сербов. Он напоминает, что югослав ни во что не любит вкладывать всю свою личность без оглядки и всегда стремится «оставить себе какие-нибудь пути отступления». Если он сам в чем-то виноват, сербу сложно в этом признаться. Гипертрофированное Я защищается от вины и ответственности, оправдываясь самыми невозможными и неразумными, самыми абсурдными причинами, подразумевающими настоящее «покушение на здравый смысл», до такой степени, что отрицает, что дважды два четыре (Дворникович 1939, с. 827).

Однако необходимо отметить, что гипертрофированное Я формировали и некоторые позитивные события – те, которые больше всего способствовали свободе сербов как народа: Косовский бой, Сербская революция 1804 г. и две мировые войны. Однако всегда находился кто-то, кто самовлюбленно присваивал себе, и только себе, борьбу за свободу целого народа (король Александр, «товарищ» Тито...), поэтому, когда это становится манерой руководителя, тогда и последний писарь в армии (или проевропейский бюрократ нашего времени), теперь ставший кем-то, чувствует себя так, как будто без него лично свободы и не было бы.

При этом, как мы уже говорили ранее, гипертрофированное Я отличается волей, которая обратно пропорциональна его слишком высоким, часто гигантским амбициям. Это не какая-нибудь (в немецком понимании) «воля», которой Шопенгауэр слепо удивлялся и которую

Ницше (славянин) иронично выделял. Серб является человеком со слабой волей, поскольку его долгое порабощение развило такое *ego*, что у него вся экономика либидо (его эго) ориентирована на защиту и сохранение. Вследствие огромного желания что-то доказать и всегда быть правым, его воля была атрофирована его Я, а его характер остался незавершенным. Это отмечает и Дворникович, когда, имея в виду гипертрофированное *ego*, говорит, что есть что-то незаконченное, неуклюжее и угловатое в сербской сущности, что составляет одну из «самых негативных, самых опасных черт характера южнославянского человека» (Дворникович 1939, с. 816, 838). В этом смысле самая тяжелая борьба и самая большая победа серба – над самим собой. Чтобы это произошло, необходим выход из состояния гипертрофии, что для нас – сербов – исключительно тяжело.

Гипертрофированное Я произрастает из противостояния двух сил: героического *ego* и декадентского гражданского Я. В действительности, речь идет о переходе героического *ego* в оппортунистическое гражданское *ego*. Именно этот переход является условием, обеспечивающим возможность возникновения *гипертрофированного Я*; в этом переходе оно появляется вместе с чувством принижения. Вопреки замечанию Дворниковича, что сербский характер возник на основе смешения сельской, племенной и патриархальной этики с гражданской (Дворникович 1939, с. 816, 838), сам он не сосредотачивает внимания на важности перехода к гражданской (лицемерной) морали как главном аспекте (окончательного формирования) гипертрофии сербского характера. Мораль гипертрофированного сербского *ego* – больше не та героическая мораль сербов, с которой, например, в 1389 г. был отстоян последний рубеж «христианской Европы» против «турецких безбожников». Теперь это определенная лицемерная мораль, суетно раздутая, а в действительности

далекая от патриархальных ценностей, к которым она призывает.

Гипертрофированное Я определяет, таким образом, моральное разложение некогда героического характера, то есть потерю и деградацию морального стержня героической идентичности. Только лишь сильная стоическая мораль, в соответствии с которой «все, кто выживут, будут героями», могла помочь сербскому народу выжить и обеспечить выживание сербской идентичности в условиях порабощения, войн и материальной нищеты. Однако, когда тяжелые условия жизни длятся веками, определенное моральное разложение неизбежно.

После Второй мировой войны начинают действовать и другие факторы, которые дополнительно повлияли на это. Освобождение принесло моральную победу сербскому народу как главному оплоту освободительной борьбы в ходе войны, но потом последовало разочарование. (Мы можем сказать, что схожая ситуация имела место и после Первой мировой войны). Ценности социализма не были реализованы, но вокруг любимой темы, которая декларировала всеобщее равноправие, братство и единство, вновь сформировалась политическая, национальная экономическая и другие элиты. Сербь боролись за свободу и победили, а руководство СФРЮ их постоянно маргинализировало и обвиняло в том, что они являются, как мы сказали бы сегодня, фактором нестабильности. К этому необходимо добавить и то, что генерация победителей не передала единой, уже более слабой, морали последующему поколению, сама зачастую теряя свою мораль. Также и всё большая открытость бывшей Югославии Западу и западной пропаганде привела к дополнительному моральному падению и постепенному, однако устойчивому, изменению ценностей в соответствии с нарциссической культурой в направлении рафинирования гедонизма народных масс.

В таких условиях, можно сказать, постепенно дошло до морального разлада, при котором, с одной стороны, осталась память о славных днях прошлого, а с другой, относительная беспомощность в реальности. Всё это привело к укреплению уже имевшейся склонности к гипертрофированному личному Я.

В действительности, в случае гипертрофированного Я речь идет о мимикрии и вытеснении высших моральных ценностей, которые сопровождаются сниженным моральным поведением. Отсюда можно сделать вывод, что силу имеет совсем другая мораль, а не та, которая декларируется. Поэтому серб часто порядочен потому, что не находчив; праведен только потому, что не имеет возможности в данной ситуации нарушать правила ради своей выгоды, храбр только потому, что эта храбрость не опасна, и т. д. Он остается духовным, не желая этого, так что остается суетным. Остается привержен правде, представляя себя порядочным, при том что с большим удовольствием извлек бы материальную выгоду. Состояние гипертрофии является реактивным и схизматическим состоянием. В случае такой духовной немощи совесть сама по себе бесполезна для того, чтобы собраться и определиться, а единственной возможностью для проявления действительно героического характера являются ситуации всеобщей угрозы, то есть когда буквально под угрозой находится само существование, а не только существование общности. Такую ситуацию последний раз сербы имели в 1999 г.

Каков *Weltanschauung* гипертрофированного сербского Я? Оно воспринимает мир вокруг себя как враждебное место и/или как «полигон» собственного самоутверждения. Других людей оно воспринимает иногда как неприятелей, а иногда как объекты зависти и ненависти, иногда как средства собственного успеха. Его геройство и храбрость лицемерны, так как не имеют под собой никакой ответственности, поэтому не могут

привести ни к его свободе, ни к свободе другого. Гипертрофированное Я проявляет свой «геройский» характер только в отношении тех, кто слабее. Оно очень требовательно к другим, но одно временно не предъявляет никаких требований к самому себе. Оно не признает доводы разума, если они говорят ему, что он неправ или что он морально ответственен. «Покушение на здравый смысл», которое упоминает Дворникович и о котором мы уже говорили, относится именно к таким ситуациям. В сущности, речь идет об одном: отягощенное историей рабства, постоянно опасющееся за свое существование *ego*, которое утешается славной историей борьбы за освобождение, в которой в современности оно редко принимает какое-либо участие. Речь тут идет об *ego*, которое непрерывно страдает от чувства неполноценности, что опять же обусловлено историческими причинами. Вековая борьба сербов за выживание оставила след в современной сербской психике как символическая борьба за признание, но не в форме гегелевского «господина», а больше в форме гегелевского «раба». В определенном смысле сербская психология проявляется солипсически, так как хотя серб жаждет признания, он не уважает других; и не только другого, но и сами плоды умственной деятельности, что граничит с психозом. Некогда сильная патриархальная мораль тонет в лицемерии гипертрофии.

Этот общий моральный упадок, как и общая мимикрия, – проявление глобальных процессов, в которых сербы, хотя бы они этого или нет, участвуют таким образом, что форма девиаций культуры, о которой мы говорим, принимает некий общепланетарный облик – нарциссической культуры и безответственного мышления. В этом отклонении, характерном для южнославянских территорий, как его понимает Дворникович, обман и дух притворства становится обликом самой мудрости и компетентности, в рамках

которой человек, очевидно, должен быть ловким, гибким и шустрым. Дворникович, в частности, напоминает, что во многих наших общественных кругах обман стал неким видом «практичной религии жизни», «ключом к успеху», «предметом культа и поклонения» и основой оценки человека. Похожая психология присуща и южнославянской женщине. Среднестатистическая южнославянская женщина предпочитает тип дорожного разбойника или городского мошенника (Дворникович 1937, с. 309). Она не эмансипирована, она ищет защиты. Самой бросающейся в глаза формой такого женского характера в нашей действительности стали так называемые содержанки. (Очевидно, и образ содержанки является неким общим глобальным, а не локальным.) Всё, что присуще среднестатистическим женщинам и мужчинам на Западе, с некоторым запаздыванием становится присуще и динарскому мужчине и женщине. Тем не менее, все процессы, которые происходят в имитационной культуре, закономерно происходят с запаздыванием. Имитационность характерна уже для периода правления Тито, а в течение периода условной демократии в Сербии культура потеряла всякое значение, которое имела, и стала абсолютной периферией. Вместе с моральным упадком системы при сохранении самой системы сохранилась и характерная структура, в которой гипертрофированное Я сербского мужчины и сербской женщины стали доминирующими фигурами. Как мы уже сказали, это Я гипертрофировано в отношении тех, кто равноправен с этим Я или стоит с ним на одной ступени социальной лестницы, в то время как оно является заискивающим везде, где имеет дело с тем, кто стоит на этой лестнице выше. Это такая же девиантная логика выживания, поведения типа «терпелив – спасён», как во времена османского ига, которая, однако, только для некоторой части сербского народа имеет оправдание. Современные сербы поняли это так, что

они должны прислуживать каждому, кто если на самом деле и не является сильнее, то хотя бы выглядит так. Эту слабую сторону сербского характера можно в более широком смысле рассматривать в контексте балканского характера, который, когда приходят завоеватели и предъявляют требования, вместо того, чтобы сказать: «Давайте все объединимся и вместе дадим отпор неприятелю», твердят, что лучше быть хорошими и послушными и дать владыкам то, что им нужно, чтобы и они были добры к ним – психокогнитивная судорога, которая всю нацию уводит в сторону от любого вида эмансипации.

В случае, когда субъективность отдельного народа значительно сформирована чувством неполноценности, оппортунистической моралью и личной гипертрофией, любую склонность к сотрудничеству и общности тяжело реализовать. Особенно это касается политического сообщества, так как оно представляет собой общность политических субъектов, а не *idiotes*. Современный кризис сербской государственности является не чем иным, как отражением общей гипертрофии сербской нации. С другой стороны, полис, не важно античный ли, или современный, является вещью каждого и одновременно общей, *res publica*. До тех пор, пока гипертрофированное Я остается гипертрофированным, сложно перейти на следующую ступень общности. Оно способно к стоическому терпению, посредством которого сербы и выдерживали напор своих неприятелей, и пережили их, но если они не поднимутся на ступень разумного мышления и сотрудничества, оно останется на границе солипсизма и психоза, как рабское, а в конце концов и несчастное сознание.

Однако, как мы уже сказали, гипертрофированное Я, по нашему мнению, имеет и здоровую основу. А именно то, что исторически его источником является героическая основа.

Но оно в переходный период устало от героической борьбы; только в прошлом веке сербы вели пять войн против мировых сил (Первая и Вторая балканские войны, две Мировые войны и война 1999 г.) А если говорить в целом, то какой другой европейский народ (кроме русских) имеет такую достойную историю? Этот факт нужно было бы превратить в основу для самообладания и душевного мира, а не в униженное поведение по отношению к любым проходимцам с большой дороги. Нет сомнений, что нужно перенимать мировой опыт, но так, как завещал Вук Караджич: «Мы тоже будем делать так, только немного по-другому». Сербам свойственна прирожденная демократия. Мы уже приводили ссылки на византийские источники, которые говорят о том, что сербы не терпят ни царей, ни королей. Это является здоровой основой, на которой можно строить, особенно если принять во внимание все современные возможности для развития демократии. Также и широкий диапазон чувств у сербов, в котором, как отмечал Дворникович, ритмически сменяются противоположные чувства – не отрицательная, а положительная черта. Речь идет о том, чтобы уравновесить их, то есть о том, чтобы приблизиться к аристотелевской добродетели как эталону. Богатая художественная традиция и история борьбы отдельных личностей в этом смысле может вдохновить сербов на то, чтобы совладать со своей гипертрофированностью и чувством принижения, которое сопутствует ей, и это должно быть сделано. Также и от других народов следует принять то, что у них хорошо, если оно в ладу с сербской культурой и обычаями, то есть достичь успеха в настоящей эмансипации, а не в навязываемой квази-эмансипации. В этом смысле еще Дворникович отмечал необходимость интеграции и укрепления единства не только сербского народа, но и всех славян. Столкнувшийся с интеллектуальным и духовным упадком

в Европе своего времени, идею спасения европейской культуры он находил во всеохватывающих взаимосвязях славянских народов. Но не таким образом, каким бы одни славяне связывали других, а посредством общей славянской истории, традиции, культуры, экономики и т. д.

Надо признать, что гипертрофированное Я в сербской истории сыграло и свою позитивную роль. Гипертрофированное сербское ego, именно по причине своей гипертрофии, сопротивляется гораздо более сильному неприятелю, чем оно само, и ясно говорит «нет» даже тогда, когда и народы большие, чем сербы, не решались на это. Таковой, например, была ситуация с отклонением ультиматума перед Первой мировой войной или накануне бомбежек 1999 г. Таким образом, сербское ego исторически сохранило свою свободу. Однако оно не рефлексировало об этом факте; ему самому непонятны истинные причины его сопротивления несвободе. Здесь нужно обратиться к самой сути самоотречения во имя свободы как ценности, а не во имя полной негативной свободы, как в случае с сербами это происходит из гипертрофии ego. Факт остался без рефлексии – потому что столько противоречий, несогласия и предательств в сербской среде. Только путем сознательного самопожертвования во имя свободы сербы могут сохранить свой суверенитет, и национальный, и государственный.

Поэтому мы считаем, что Дворникович прав, говоря о том, что то, как воспринимается серб, хуже того, каким он является на самом деле. В продолжение этого мы можем добавить, что мнение серба о себе самом хуже, чем он того заслуживает – парадоксально это прикрывается лучшим мнением о себе, чем это есть на самом деле. Не злоупотребляют ли этой истиной все наши критики собственного народа, например, известный сербский философ

Радомир Константинович¹²? Во имя декларируемой эмансипации «глупого», «мелкого», «местнического» и особенно «ксенофобского» духа, который противен (имперскому) космополитизму, такие авторы лишь подогревают тот же комплекс неполноценности и гипертрофию ego, потому что сами не в состоянии освободиться от его влияния. В противовес этому, Дворникович искренне указывает не только на недостатки сербов, но и на их добродетели и успехи. Он, в отличие от упомянутого Константиновича, из собственного чувства неполноценности и гипертрофии не презирал народ, к которому он принадлежал, хотя, может быть, острее, яснее и смелее, а особенно объективнее и беспристрастнее, чем все другие критики сербов, указывал на их особенности. Таким образом, в русле теоретического эволюционистского оптимизма другого сербского мыслителя Божицара Кнежевича¹³, собственным примером Дворникович показал, что филогенетическую судьбу гипертрофированного сербского Я можно преодолеть.

То, что было важнее для нас, это именно отсылка к рефлексии собственной истории, которая, в отличие от взгляда на мир с позиции гипертрофированного Я (как сербское противопоставление западной нарциссической культуре), безнадежно остающегося замкнутым в собственной точке зрения, открывает перспективы лучшего обзора того, что есть, как и перспективы будущих событий. Провоцируя нас заглянуть в себя и найти свои отличия, с тем чтобы остаться собой, это позволяет нам узнать больше

¹² Известный сербский писатель и философ (1928–2011), выступал с критикой национализма во время сербских войн. См. подробнее: Обрад Савич. Сербские мандарины и война // Неприкосновенный запас. 2003. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/sav.html#_ftn1 – Прим. ред.

¹³ Божицар Кнежевић (1862–1905) – сербский ученый, писатель, переводчик и педагог, автор работ по философии истории.

истинного о себе, и это есть то сознание себя, которое нам позволит понять не только свой внутренний мир, но и мир вокруг нас, с которым никак нельзя слиться или трансплантировать его в себя. Даже больше, самым пониманием нашего аутентичного *Weltanschauung* как возникшего на материальном фундаменте истории, и духовного отношения к ней Дворникович внес значительный вклад в этот коллективный взгляд в себя. Что хорошо, а что плохо для нас, менее важно, чем то, что в этом истинно, то, что можно засвидетельствовать. Только таким образом достигается правильное понимание своего существа и сущности мира, – с открытостью миру и с дистанцированным взглядом в себя. Дворникович является отличным примером этого, что редко в среде тех, кто разделяет особенности сербской идентичности. Даже философская культура нашего народа не соответствовала тем вызовам самосознанию как коллективному самосознанию, которые его выводы поставили перед нами.

При этом мы не утверждаем, что Я каждого серба гипертрофировано, но в сербском сообществе доминирует некое среднестатистическое Я, которое гипертрофировано и которое задает тон всему поведению коллектива. Гипертрофированное Я, к сожалению, не является неким преодолённым историческим Я сербского народа, но есть реальное последствие истории и состояние, которое нужно преодолеть, потому что оно пагубно для судьбы всего народа. Оно формирует гипертрофированный характер сообщества, а отсюда следует и искривленный взгляд на мир, и ошибочное понимание действительности, которое мы постарались тут описать. Такое состояние обуславливает ошибочные, пагубные действия, которые не обеспечены реальными знаниями и оценками, то есть действительным пониманием сущности, но в большей степени мыслительными понуждениями – не в целях улучшения

актуального состояния, но исключительно в целях консервации гипертрофии. Гипертрофированное Я должно быть преодолено, поскольку оно не способно рассматривать существо иначе, нежели вещь. Оно во всем материально, кроме восприятия своего *ego* в его ложной ценности. Таким образом, гипертрофия является впадением в другую крайность героического характера. При этом все те черты, которые украшают героический характер, перевоплощаются в прямо противоположные. Так, например, храбрость превращается в доносительство, правдолюбие превращается в *wishfull thinking*¹⁴, мудрость – в обладание материальными благами; праведность в стремление к тому, чтобы всё и всегда было по-его, а умеренность превратилась в разрушение любой предшествующей моральной твердости.

Такое Я не способно принять ничей индивидуализм, как и настоящее сотрудничество. Его обратная сторона – это абсолютное низкопоклонство и абсолютное неверие в собственные силы за пределами семейно-кумовского круга. Для гипертрофированного *ego* никто не является Другим, кроме, возможно, кого-нибудь из родственников. Его друг не стоит и десятой части его самого, его враг – это «объект, который необходимо уничтожить». Законы ему не писаны, а судьба других простых людей его не касается. Единственное, что его касается это только собственное величие – это «хочу и могу», которое Бодрийяр обозначил как состояние взрывного желания. Гипертрофированное Я, таким образом, криминально, поскольку не признает ни закона, ни принципа универсальности. Присваивая себе чужие заслуги, оно, насколько может, присваивает себе и чужие материальные блага. Оно еще не может преодолеть в себе материальную мелочность, которая сопровождала

¹⁴ Англ. – выдавать/принимать «желаемое за действительное». – Прим. ред.

героический характер. У него вещи просто перевернуты с ног на голову, и то, что героическому характеру, может быть, и не хватало – у гипертрофированного Я перешло в ультимативное требование (деньги, положение в обществе). Оно сотрудничает только с такими же криминальными элементами, как и оно само. Объединенные, такие структуры никогда не согласятся на «славную войну», но всегда будут посягать на воровство и поиск дыр в законах, что как работа требует гораздо меньше энергии. Его вождение материальных вещей есть не что иное, как желание онтогенетическим способом забыть филогенетически продолжительное материальное бедствование.

Теоретически говоря, из гипертрофированного Я, которое не рефлексировало о своей исторической ситуации, может произойти только пустое славословие и философские закулисные (кухонные) разговоры. Таким образом, если в самой идентичности не будет саморазличия, гипертрофированное Я должно будет принять, что парадигма реальности поменялась, и постмодерн уже закончился в 2008 г. Симулякр распался, и ядовитые плоды заблуждения в виде войн, которыми «Вавилон» пытается держать себя на плаву, проявляются по всему миру. Поэтому саморефлексия бывшего героического характера необходима, если в любой идентичности серб вообще хочет пережить «тектонические сдвиги» в мире. Этого не произойдет, если чувство собственной значимости просто-напросто не заменить осознанием собственной никчемности, хотя переход этот изменит историческое будущее. Гипертрофированное Я блокирует любое сотрудничество и аутентичность, так как каждый хочет успеха только сам для себя. Это не позволяет преодолеть сознание клана и принадлежность к клану, банде или заинтересованной группе (к этому последнему сводятся современные

политические компании в Сербии). Они по-своему правы, однако сотрудничество и аутентичность, которые нашему народу были необходимы и раньше, сегодня, возможно, являются единственным лекарством для народного и национального выживания.

В случае, если данное гипертрофированное Я останется преобладающим в сербском обществе, очень скоро его существование, как существование социума, выразится в бессилии пережить исторические

изменения в исконном облике идентичности.

Перевод В.Н. Ряпухиной

Литература

1. Бодриар, Ж. Символичка размена и смрт [Символический обмен и смерть]. Горњи Милановац: Дече новине. 1991. 277 с.
2. Бодриар, Ж. Друго од истога [Иное из подобного]. Белград: Лапис, 1994.
3. Дворникович, В. Борба идеја. Белград: Просвета, 1937. 323 с.
4. Дворникович, В. Карактерологија Југославањина. Белград: Просвета, 1939. 881 с.
5. Леш, К. Нарцистичка култура: амерички живот у доба смањених очекивања [Нарциссическая культура: американская жизнь в период уменьшенных ожиданий]. Загреб: Наприед, 1986. 336 с.
6. Джейкоб, Р. Друштвени заборав: критика савремене психологије од Адлера до Леинга [Общественное забвение: критика современной психологии от Адлера до Леинга]. Белград: Нолит, 1981. 184 с.

References

1. Baudrillard, J. (1991), *Simbolička razmena i smrt [Symbolic Exchange and Death]*, Deče novine, Gornji Milanovac. (in Serb.)
2. Baudrillard, J. (1994), *Drugo od istoga [Simulacra and Simulation]*, Lapis, Belgrade. (in Serb.)
3. Dvorniković, V. (1937), *Borba ideya [The Battle of Ideas]*, Prosveta, Belgrade. (in Serb.)
4. Dvorniković, V. (1939), *Karakterologija Jugoslavânina [Characterology of the Yugoslavs]*,

Prosveta, Belgrade. (in Serb.)

5. Lach, Ch. (1986), *Narcistička kultura: američki život u doba smanjenih očekivanja*, [*Narcissistic culture: American Life in an era of diminished expectations*], Napriyed, Zagreb. (in Serb.)

6. Jacoby, R. (1981), *Društveni zaborav: kritika savremene psihologie od Adlera do Leinga* [*Social Oblivion : critique of modern psychology from Adler to Laing*], Nolit, Belgrade. (in Serb.)

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Братина Борис Рудолфович, доктор философских наук, доцент, Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице, Филипа Вишњича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия; bokibor@yahoo.com

Братина Вишня, доктор философских наук, Институт философских исследований, Философский факультет, Белградский университет, Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия; ubuntera@mail.ru

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; viktorer_r@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Višnja Bratina, Doctor of Philosophy, Institute for Philosophical Studies, Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 1 Studentski Trg, Belgrade, 11000, Serbia; ubuntera@mail.ru

Boris R. Bratina, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia; bokibor@yahoo.com

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia; viktorer_r@mail.ru